

Квартира Михалкова напротив «высотки» через Садовое. Шестизатка на Воробьевского — это нам не пятизатка в Филах. Мне приятно идти по этому тихому перпендикуляру к бушующему железом кольцу. «Известный детский писатель» живет на последнем этаже солидного, уютного лепнины дома. Открывшая дверь домохозяйка Поля обошлась со мной приветливо, по-простому — ни тебе лица важного, прайсполненного чувством приближенности к облаканному почестям и славой хозяину, — открыла, тапочки, «если хотите», и ну — дальше, по своим делам хозяйничать, по дороге закатив меня в гостиную.

Михалков разговаривал по телефону и, казалось, был не прочь немного поразмяться в адрес своих идеологических оппонентов. «А этот-то, этот! Скотина, полная скотина! Ну почему он так сделал?! Ну почему?!» Последовавшие затем произнесенные с чувством слова и выражения с перемежающимися мне — «ну, ты этого только не пиши», никак не выдавали в нем убежденного седиными юбиляра, которому сегодня исполняется 80 лет.

СЕРГЕЙ Михалков родился в Москве на улице Волхонка, 6, в доме, принадлежавшем брату его деда Сергею Владимировичу Михалкову. Поставила этот дом строительная контора «С. Маршак». Через многие годы эти две фамилии встретились. Во время первого награждения писателей в 39-м году ордена Ленина получили Маршак и Михалков. Этому предшествовали 26 лет становления того Михалкова, которого сегодня знает полмира.

Учился в Пятигорске. (Отец работал там специалистом по промышленному птицеводству.) Там же в местной газете «Терек» впервые в 15 лет напечатал свои стихи. После школы уехал в Москву. Был чернорабочим на ткацкой фабрике. Потом Семипалатинск, после Зырянск, где работал в геологоразведочной партии разнорабочим. В 33-м вернулся в Москву. Работал в газете «Известия» в отделе писем. Начал печатать стихи. Именно тогда случилось, и это могло произойти только в СССР — родился еще один государственный поэт.

— Вокруг знаменитых имен всегда возникают слухи...

— Опять вранье, — терпеливо выслушав очередную известную историю о себе, заявил Михалков. — Никаких стихов, посвященных специально дочке Сталина, я не писал. Они назывались «Колыбельная», никакой Светланы там не было. Просто я познакомился с девочкой в институте и сказал: «Хочешь, я завтра напечатаю про тебя стихи?» Она удивилась. А я пошел в редакцию и переименовал название «Колыбельная» на «Светлана» (ее так звали), и это стихотворение было напечатано в «Известиях». Светлана, которой я посвятил стихи, не обратила на них никакого внимания, а меня вызвали в центральный комитет партии и беседовали (очень по-доброму). Никаких условий не ставили. Сказали, что Сталин обратил внимание на мои стихи и они ему очень понравились.

Злые языки утверждают, что стихи «Светланы» были специально написаны к дню рождения дочери Сталина, но даже если это было бы так, что же в этом подлого? Вот современный поэт пишет сегодня пошлейшие рекламные тексты вроде — «Галантные мужчины — ухажеры с любовью делят шоколадные набрызги... ну а потом — ах, апельсины, да не забудьте про лосины». У каждого времени свои пути к славе. Михалков пробился к славе при Сталине!

— В истории со «Светланой» нет ничего удивительного. Сталин регулярно читал газеты «Правда» и «Известия», поэтому и обратил внимание на хорошее стихотворение. А та беседа ничем особенно хорошим мне не помогла, разве что печатать стали почаще. Да вот еще — Московский Совет пошел мне навстречу и улучшил мои жилищные условия. Был тогда такой Пронин, очень приличный человек. Я написал ему заявление в стихах:

Председатель Моссовета,
Пожалуйста вы поэта.
Нет у этого поэта
Для работы кабинета.
Он работает с трудом.
Дайте въехать в новый дом.
Может, стихотворение его как-то подкупило, и я получил в Москве, на улице Фурманова, 5, две комнаты в старом доме. Этот дом знаменит тем, что в этом же подъезде жил Михаил Булгаков. Я у него бывал, и мы с ним очень мило беседовали. Его жена даже написала в сво-

их воспоминаниях обо мне: «К нам приходил молодой литератор, рассказывает интересные истории. Очень приятный молодой человек».

Теперь Сергей Владимирович живет в подъезде, который знаменит тем, что в нем живет Михалков. Как он сам говорит, внуки не балуют его своими визитами — квартира холостяцкая... Принимать детишек негде особенно. Мебель старинная — по случаю в Петербурге купил, когда владельцы в Израиль подались. Март брызжет в окно весной, и вроде весело и светло, но штор на окнах нет, да и потолок протекает. Вон рыжие подтеки на стенах...

— Опять вранье, — терпеливо выслушав историю о том, как он писал гимн, заявил Михалков. — Тогда вся страна сочиняла государственный гимн — и Твардовский, и Ципачев, и Гусев, и Лебедев-Кумач. Победил наш текст, Сталин его отобрал из нескольких десятков других авторов. И никогда мы не сидели три ночи в гостинице «Москва», просто с Регистаном взяли энциклопедию, посмотрели, что такое гимн. Взяли Конституцию, посмотрели, какое содержание должно быть у гимна. Сели и написали. Послали текст Шостаковичу и уехали опять на фронт. (Мы были спецкорами газеты «Сталинский сокол» — газеты ВВС.) Через некоторое время, будучи в Москве, мы узнали, что нас разыскивают. За нами пришла машина и повезла в Кремль, к Ворошилову. Ворошилов был предсе-

Регистан попробовал было за ним поухаживать — закуску подложить в тарелку, а он рассердился: «Это не вы меня должны угощать, а я вас, потому что вы у меня в гостях». На банкете собрались также члены политбюро. Хрущев с Украины. Они не выступали, не говорили, молчали только, поддакивали, смеялись, когда Сталин смеялся. Я читал «Дядю Степу».

Вскоре я написал стихотворение «с настроением не 41-го, а 44-го года», как советовал Сталин. И оно было сразу напечатано в «Правде», «Комсомолке» и «Пионерской правде». За гимн мы с Реги-

стис... Он ведь сам говорил, что мои картины не стоят ничего, пока я на них не напишу «Пикассо».

— Вы часто влюблялись?
— Бывало.
— А в кого?
— В женщин, в основном, я не принадлежу к сексменьшинствам.
— Я имею в виду — какие женщины вам нравились?

— Вот ты мне нравишься. В знаменитых женщин влюбляться плохо — избалованные они.

...Мне было тогда 23 года, а ей 33. Познакомился я с ней на квартире у ее отца Петра Петровича Кончаловского. У нее были какие-то свои личные проблемы с тем, кто за ней ухаживал. А тут я. Мы стали встречаться. Я ее полюбил и захотел жениться. Она ни в какую. Ее отец сказал, что я ему понравился. Я стал жить у нее в коммунальной квартире. Вскоре мы расписались, а через год родился сын Андрей, в год Победы — Никита. Сыновьям я не мешал и не помогал — полагался на их талант. Даже когда Никиту, 26-летнего мужика, который снимал картину «Свой среди чужих, чужой среди своих», призывали в армию, я и то молчал. Но знал — это сделали назло и мне, и ему какие-то «доброжелатели» из парткома Мосфильма. Я нигде не ходил, не звонил, никого не просил. Только когда пошла слухи, что его призывают из-за того, что он попал в плохую компанию и т. п., попросил одного хорошего человека из Комитета государственной безопасности опровергнуть эти слухи. Сын отслужил три года рядовым красnofлотцем и доснял картину.

Никита очень общительный, контактный. У Андрея характер другой, он более углубленный, в нем больше философского. Он не занимается общественной жизнью.

В августе 91-го Никита был советником Силаева. «Что же я — ненормальный, что ли?» — сказал Михалков — старший, когда я напомнила ему о его «поддержке» ГКЧП. — Мы с ним перезванивались каждый час — мой сын сидит в Белом доме с автоматом, а я буду поддерживать непонятно кого».

— Когда 20 августа в Союзе писателей мы собрались обсудить, что же происходит в городе, среди нас был некий Савельев. Он слушал наш разговор. Я сказал, что мы никаких решений в поддержку ГКЧП принимать не будем, а будем ждать решения Верховного Совета. Нельзя сказать, что мы проявили малодушие. Через два дня, когда путч провалился, Савельев написал в «Комсомолке»: «Было собрание писателей, они поддержали ГКЧП». Я его спрашиваю: «С чего это ты взял?» Он говорит: «Вы духовно поддерживали».

У Сергея Владимировича всегда была прочная политическая репутация, его легко выпускали из Союза за границу — как же, автор гимна, депутат Верховного Совета...

— Нет, когда на последних выборах мне предложили баллотироваться в депутаты — я отказался. Сказал, что не хочу участвовать в этих политических играх.

Сейчас кто красные, кто коричневые, кто зеленые, я в это не лезу, я сам себе Михалков...

МИХАЛКОВУ 80 лет, он хорошо помнит свою жизнь и всем своим видом показывает, что «песенка до конца не спета». Он гордится, что «на старой даче, где сейчас Никита с семьей живет, есть шкаф — около 1000 изданий, авторские экземпляры». У ветерана литературы 11 орденов (из них четыре ордена Ленина).

Наша с С. В. беседа пришла к своему логическому завершению, и друг советских детей запросто сказал («тут сказал ребятам Боря просто так»): «Ну что ты мучаешься, больше спрашивать-то не о чем. Хватит. Вон уж — целую кассету наговорил. И смотри — не напечатаете в вашем «МК» про меня еще какую-нибудь гадость... ну... приди ко мне в мои объятия».

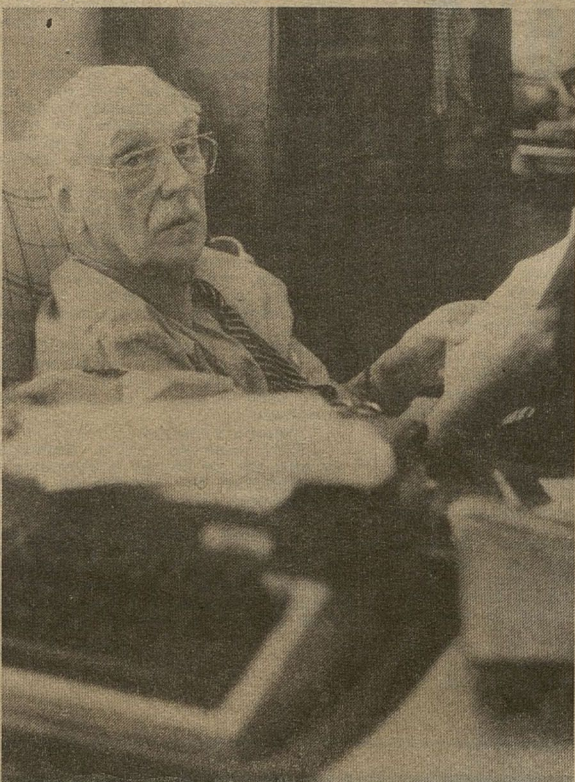
P.S. Машистка, помогавшая мне при подготовке этого интервью, поведала, что у ее папы сохранилась листовка, которую с фронта прислал ему отец перед гибелью. С пометкой «Прочти и передай другому» текст листовки — «Быль для детей» С. Михалкова.

Элина НИКОЛАЕВА.

Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА.

С РИФМОЙ ПО ЖИЗНИ

Москва, Комсомольск - 1993 - 13 марта - с. 2

Сергей
МИХАЛКОВ:

«...И с песенкой
смешной
все вместе,
как сумели,
приехали...»

— Я пережил всех правителей СССР, но ни с кем из них у меня не было таких уж дружеских «интимных» отношений. На дачах у них не бывал, и они ко мне не заходили. С самыми разными проблемами я обращался и к Брежневу, и к Сталину, и к Хрущеву. Но меня всегда принимали, когда я просил об этом, потому что многие из властителей уже к моим 50 годам, не говоря о 60, — читали меня в детстве. Удивительно, но мне не отказывали, потому что знали как поэта своего детства.

Мое внимание давно привлекла бутылка красного вина на белом подоконнике. Как-то так сиротливо выделялась она на общем плане, и вроде не к месту ей стоять тут, на виду. Все подмывало спросить — пьет или нет? А то вдруг скажет — «люблю эдак поутру стаканчик другой винца пропустить».

— Ты что, охренела, что ли? Да. Конечно... С утра выпил — весь день свободен, знаешь такую поговорку, — он с самого начала со мной на «ты» на правах старшего коллеги по перу. — Ну как, пью — не пью... Выпиваю, конечно, вот сын Андрея, внук мой Егор, приезжает из Лондона, где он учится в Кембридже. Приглашает когда в ресторан сходить — там и могу позволить себе рюмочку-другую. А эту бутылку мне журналист из Португалии подарил, он меня на видео снимал. Вообще, я не люблю рестораны. Очень дорого, просто неприлично платить такие деньги.

дателем Комиссии по созданию гимна. Он сказал: «Товарищ Сталин отобрал из всех текстов, которые были присланы, ваш».

Сам Сергей Владимирович утверждает, что перед Сталиным почему-то не робел.

— Я с ним один раз только поспорил, когда приняли текст гимна и он предложил напечатать его в «Правде». Я был против — он осерчал. «Вы смотрите со своей маленькой колокольни», — сказал он. «Но ведь если завтра текст напечатает в «Правде», а ни одна музыка не подойдет, то что будем делать?» — переубедил я его. Вообще, «вождь всех народов» мог произвести хорошее впечатление, он был очень большой актер по жизни. С нами он разговаривал по-человечески, смеялся даже, улыбался, иронизировал. Но при этом было известно, если, например, он со всеми здоровается, руку пожимает, а мимо тебя проходит — считай себя конченным человеком. Я не боялся. Через широкий тамбур в кабинет — перекреститься и идешь. В нашем представлении это был СТАЛИН. Сталин с большой буквы. Народ-то его любил, ему рукоплескали. Когда приняли гимн, он устроил хороший ужин для нас и членов политбюро. «По русскому обычаю надо обмыть гимн», — сказал он. Сам сидел до 5 утра за столом. Все это происходило в Большом театре в правительственной ложе. Он сидел рядом со мной — официантов не было, — сам вино подливал, закуской потчевал.

станом получили 50 тысяч на двоих и пожертвовали их на танк.

Были люди искусства, которые активно выступали против государственного коммунизма. Михалков всегда умело воспринимал политическую погоду.

— Хрущев делал 2-часовой доклад на съезде писателей. Он говорил очень много интересного и ни о чем. Когда он закончил, ко мне подошли партийные чиновники от литературы и сказали: «Доклад хороший, но ничего не сказано про сатиру. Получается, этот жанр теперь не очень-то нужен». А я был редактором «Фитиля»... и знал, что каждое слово руководителя, генсека воспринимается как руководство к действию. И вот на банкете я улучил момент и напомнил: «Никита Сергеевич, вы ничего не сказали про сатиру. А ведь завтра доклад будет напечатан и все скажут, что вам сатира не нужна». Хрущев взял микрофон и заявил на весь зал: «Вот Сергей Михалков жалует, что я ничего не сказал о сатире»... После этого он стал говорить об этом жанре всякие хорошие слова, поворачивается ко мне, спрашивает: «Все?» — «Нет, — говорю, — надо, чтобы это попало в газеты, в ваш доклад». И такое приказание было отдано...

С середины 60-х годов Михалков фактически возглавляет культурное лобби в высших сферах.

— ...На Пленуме ЦК после выступления я пытался отдать письмо от представителей культуры по охране памятников старины... Хрущев его не берет. Я настаивал. Он взял со злостью. Никто меня не поддерживал. Все трусы. В кусты ушли. Это было как раз перед скандалом в Манеже... Но тогда я не считал нужным заступаться за этих авангардистов, я и сейчас-то их особо не жалую.

...Я ходил и к Брежневу, хлопотать за детскую литературу, за детский театр... Я хлопотал об открытии в Москве Свято-Даниловского монастыря. Гришин не хотел иметь его в Москве. Он вообще был прожженный атеист. А Патриархия нуждалась в том, чтобы к 1000-летию крещения Руси можно было открыть духовный центр в Москве. И я пошел к Черненко, уговорил его, Черненко доложил Брежневу письмо патриарха. Брежнев наложил резолюцию: «Внести предложение».

10 февраля 93-го года Михалков получил от патриарха Московского и всея Руси Алексия II орден «Преподобного Сергия Радонежского». Этот орден дается чрезвычайно редко тем, кто не имеет прямого отношения к церкви. А вообще, его получают имеющие духовное звание не ниже епископа. Это орден за поддержку церкви в трудное для нее время.

— При коммунистах считалось, что руководит культурой, искусством может любой, у кого есть партийное чутье? — Мы не верили, что на Западе есть подлинное искусство. Да я и сейчас не совсем уверен, что многие выставки, которые привозят к нам оттуда, — подлинное искусство. Может, я вообще отстал от жизни, но сугубо абстрактного искусства я не понимаю. Я понимаю Шагала, некоторых других. Пикассо... «Голубой период» мне нравится, а вот все «вывер-